

ОБЗОР ПРАКТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА. СЕНТЯБРЬ 2020 ГОДА.¹

Взгляд ЕСПЧ на гарантии прав добросовестных приобретателей в России

В постановлении по делу *«Белова против России»* (жалоба № 33955/08, 15 сентября 2020 года) Европейский Суд в очередной раз оценил соотношение гарантий права собственности на имущество между его собственником и приобретателем, чьё право было зарегистрировано в ЕГРП. Данное дело касалось истребования государством имущества (участок земли с баней и жилым вагончиком) у заявительницы для публичных нужд - строительства объектов Олимпиады в Сочи. Когда государство инициировало судебный процесс об истребовании имущества, суды всех инстанций признали, что первоначально оно принадлежало государству и без его согласия было передано частному лицу, в связи с чем все сделки по передаче имущества, включая последнюю сделку с заявительницей, были признаны недействительными. Несмотря на то что все эти сделки были зарегистрированы (о чем имеются записи в ЕГРП), Верховный Суд РФ пришёл к выводу, что заявительница не являлась добросовестным приобретателем имущества по смыслу статьи 302 ГК РФ (§ 16). Имущество было изъято у заявительницы без компенсации.

В своей жалобе в Европейский Суд заявительница подчёркивала, что неправомерное лишение имущества государством нарушило её право на уважение собственности в свете статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. В свою очередь правительство утверждало, что пыталось восстановить своё право собственности и использовать имущество для проведения Олимпиады (§§ 27, 35).

Опираясь на позицию Суда в схожем деле *«Гладышева против России»*, ЕСПЧ подтвердил, что оспариваемое имущество являлось «владением» заявительницы по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, а решение об изъятии имущества в пользу государства являлось вмешательством в её право на пользование этим имуществом. Однако определяя пропорциональность вмешательства, Суд не нашёл нарушения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. ЕСПЧ согласился с позицией Верховного Суда РФ по данному делу и пришёл к выводу, что заявительница не являлась добросовестным приобретателем имущества несмотря на регистрацию перехода прав в ЕГРП и должна была знать о решении суда о признании первоначальной сделки недействительной (§§ 39-41). Суд также отметил, что в отличие от обстоятельств дела *Гладышевой* (§ 81), заявительница могла обратиться за компенсацией к лицам, ответственным за нарушение её имущественных прав (§ 42).

Более того, обстоятельства дела *«Гладышева против России»* (жалоба №7097/10, 6 декабря 2011 года) отличаются от рассматриваемого дела тем, что в нём заявительница была признана добросовестным приобретателем квартиры. Также, по мнению Суда, бремя ответственности за сопровождение сделок с квартирой и просчёт всех рисков лежало на государстве (§ 79).

Наконец, она не доказала, как её личный интерес по пользованию имуществом перевешивал публичный интерес организации Олимпиады. Таким образом, Суд посчитал, что заявительница не понесла чрезмерное индивидуальное бремя, и принцип пропорциональности не был нарушен (§ 43, 44).

¹ Обзор подготовили стажёры-исследователи Научно-учебной лаборатории международного правосудия НИУ ВШЭ Ганина Ольга, Кузнецова Татьяна, Кулакова Яна, Рябова Анастасия.

Постановление по делу Беловой сопровождаются также заявление о несогласии с выводом Суда об отсутствии нарушения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции от судьи Сергидеса (Греция) и особое мнение судьи Дедова (Россия) об особенностях доктрины «добросовестного приобретателя» применительно к делу заявительницы.

Действительно, в России остро стоит проблема гарантий прав добросовестных приобретателей, которая уже стала предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ по делу *Дубовца* (постановление № 16-П от 22 июня 2017 года) и делу *Одноворцевых* (постановление №30-П от 30 июня 2020 года). Впервые в деле Дубовца Конституционный Суд РФ дал конституционно-правовое толкование понятия «добросовестный приобретатель» и признал, что пункт 1 статьи 302 ГК РФ не позволяет государству изымать выморочное имущество у приобретателей, право собственности которых и законность всех сделок с имуществом было зарегистрировано в ЕГРП. В этом постановлении Конституционный Суд также ссылаясь на стандарты, выработанные ЕСПЧ по аналогичным делам об изъятии имущества публично-правовыми образованиями (в т. ч. в деле *Гладышевой*). Впоследствии в деле Одноворцевых Конституционный Суд подтвердил возможность распространения его постановлений на лиц, не являющихся участниками конституционного судопроизводства и дал таким образом право добросовестным приобретателям на пересмотр судебных решений, противоречащих постановлению по делу *Дубовца*, обязав законодателя разработать правовой механизм пересмотра таких решений.

Судебные процессы о клевете и право на свободу выражения мнения

8 сентября 2020 года Европейский Суд вынес постановления по делам «*ООО «Регнум» против России*» (жалоба № 22649/08) и «*Тимаков и ООО «ИД Рубеж» против России*» (жалобы №№ 46232/10 и 74770/10), в которых рассмотрел вопрос о соблюдении гарантий свободы выражения мнения в свете статьи 10 Конвенции у издательств «Регнум» и «Рубеж». Первое дело касалось соотношения права на свободу выражения мнения новостного издательства «Регнум» и деловой репутации компании. Так, компания – один из производителей сока – выиграла судебный процесс о клевете в связи с тем, что издательство «Регнум» распространило информацию об отравлении женщины ртутью после употребления этого сока, и издательство было вынуждено выплатить штраф (1 млн рублей).

Оценивая баланс права на свободу выражения мнения по статье 10 Конвенции и права на репутацию по статье 8 Конвенции, ЕСПЧ выработал в своей прецедентной практике следующие критерии: 1) публичный интерес, 2) содержание, форма и последствия публикации, 3) источники и достоверность публикуемой информации, 4) суровость наказания издательства. Применяя эти критерии в деле заявителя, Европейский Суд пришёл к выводу о нарушении статьи 10 Конвенции, потому что суды не учли должным образом право издательства на распространение информации, имеющей публичный интерес, а именно о потенциальном вреде сока для здоровья граждан, а также право общественности быть ознакомленной с такой информацией. В то же время суды не обосновали суровость наказания издательства за потенциальный вред, нанесённый репутации компании (§79).

Второе дело также касалось судебного процесса о клевете. Его инициировал бывший губернатор Тульской области в связи с публикацией, подготовленной Тимаковым для издательства «Рубеж», в которой содержалась информация о предполагаемой коррупционной активности губернатора. Используя аналогичные критерии, ЕСПЧ снова

нашёл нарушение статьи 10 Конвенции и указал, что суды не провели должную оценку баланса права на частную жизнь губернатора и права на свободу выражения мнения заявителей (§ 71).

И снова попытки: краткий обзор постановлений в отношении России

Европейский Суд вынес постановление по делу «*Шишкин и другие против России*» (жалоба № 30050/09 и др., 1 сентября 2020 года), которое касалось жестокого обращения над заявителями (Шишкин, Мартышев и Крамчанинов) со стороны полиции. Как следует из фактических обстоятельств дел, всех заявителей пытали в отделении полиции. Несмотря на то что заявителям удалось зафиксировать травмы в больнице, следователи отказывали им в возбуждении уголовного дела, суды не рассматривали их жалобы о пытках по существу (Шишкин), существенно смягчали виновному приговор (Крамчанинов) либо прекращали уголовное преследование в отношении виновного сотрудника полиции (Мартышев). Суды лишь частично удовлетворили их гражданские иски о компенсации. Изучив эти обстоятельства, Европейский Суд пришёл к выводу о нарушении государством статьи 3 Конвенции как в материальном, так и процессуальном аспекте. Суд признал, что в отношении заявителей применялись пытки, тогда как государство не провело эффективного расследования и не наказало должным образом виновных этих преступлений.

Дело «*Сарсембаев против России*» (жалоба № 25238/08, 1 сентября 2020 года) также касается применения насилия со стороны правоохранительных органов в контексте реализации заявителем его права на свободу собраний. Администрация города Казань не согласовала место проведения пикета на площади, расположенной напротив здания Конституционного Суда Республики Татарстан и предложила альтернативное место проведения собрания. Однако заявитель уведомил о своем несогласии с предложением об изменении места проведения пикета, вышел на демонстрацию и в тот же день был задержан сотрудниками полиции. Сотрудники доставили его в отделение и предъявили обвинение в совершении ряда административных правонарушений. Заявитель утверждал, что сотрудники полиции применили к нему физическую силу, однако позиция государственных органов состояла в том, что Сарсембаев оказывал сопротивление и применённые меры были необходимыми и соразмерными. Тем не менее, ЕСПЧ пришел к выводу, что применение силы во время незаконного ареста заявителя было необоснованным и являлось равносильным бесчеловечному и унижающему достоинство обращению с ним в нарушение статьи 3 Конвенции (§ 29).

В другом деле – «*Чудаловы против России*» (жалоба № 796/07, 22 сентября 2020 года) события происходили в Чеченской Республике. Заявителя по данному делу неоднократно пытали в отделении полиции с целью признания в совершении преступлений, а также в исправительной колонии. Оценивая действия властей во время задержания, уголовного преследования и судебных процессов в отношении заявителя, Европейский Суд подчеркнул, что применение силы сотрудниками правоохранительных органов в данном случае было чрезмерной и непропорциональной мерой, более того, представлявшей собой ни что иное, как жестокое обращение (§§ 86, 101). Таким образом, Европейский Суд постановил, что в деле имеется нарушения статьи 3 Конвенции в материально-правовом и в процессуальном аспектах, которые выразились в жестоком обращении, а также в отсутствии эффективного расследования этих случаев следователями и судами.

Обстоятельства дела «*X и Y против России*» (жалоба № 43411/06, 22 сентября 2020 года) имели место также в городе Грозном Чеченской Республики. Заявитель подвергся жесточайшим пыткам во время допроса, после чего он вынужденно подписал признание в совершении преступлений. До ареста у заявителя не было никаких телесных повреждений, а в дальнейшем эксперт обнаружил на его теле многочисленные синяки, ушибы и шрамы. В 2009 в Центре помощи жертвам пыток, где заявитель находился на лечении, констатировали, что все повреждения свидетельствуют о пытках. На основании анализа всех доводов, Суд заключил, что в этом деле также было допущено нарушение статьи 3 Конвенции.

Другие значимые российские дела

Дело «*Фатхутдинов против России*» (жалоба № 36335/18, 29 сентября 2020 года) связано с невозможностью сохранения семейных связей после прекращения родительского статуса заявителя. Заявитель и его жена расторгли брак, однако у них остался общий сын. Спустя некоторое время жена заявителя подала заявление о лишении Фатхутдинова родительских прав, указывая, что он не является биологическим отцом ребенка. Российскими судами заявление было удовлетворено. В числе прочего были отклонены доказательства заявителя, подтверждающие, что факт отсутствия биологического родства не был принципиальным: он заботился о сыне, покупал ему одежду, игрушки, вместе с ним посещал развлекательные мероприятия. Кроме того, в силу решений российских судов заявитель лишился возможности контактировать с ребенком.

В жалобе Фатхутдинов указывал на нарушение его права на уважение частной и семейной жизни (статья 8 Конвенции). Он отмечал, что прекращение его родительского статуса повлекло за собой невозможность контактировать с ребёнком. Суд отметил, что отношения между отцом и ребенком, которого он растил и о котором он заботился в течение нескольких лет, составляют семейную жизнь по смыслу статьи 8 Конвенции. Суд обратил внимание на то, что заявитель воспитывал ребенка более 5 лет, а экспертиза подтвердила, что между ними существовала тесная эмоциональная связь (§ 39). Опираясь на позицию по аналогичному делу *Назаренко*, Европейский Суд ещё раз указал на негибкость внутреннего законодательства, которое не позволяет в каждом индивидуальном случае определять возможность контактировать с ребёнком в соответствии с его наилучшими интересами (§ 43).

Заявители по делу «*Васильев и другие против России*» (жалоба № 38891/08, 22 сентября 2020 года) в ходе национального судебного процесса обвинялись в распространении и продвижении идей террористической международной исламской организации Хизб ут-Тахрир, запрещенной в России, которая выступает за свержение светского государственного строя и его замену воссозданным Халифатом. Суд первой инстанции, опираясь на свидетельские показания, заключения экспертов и другие доказательства, признал заявителей виновными по статье 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»). Суд отклонил ходатайства о раскрытии личностей граждан, свидетельствовавших против заявителей. Заявителям было назначено наказание в виде лишения свободы на срок от четырех лет и до четырех лет и шести месяцев. Верховный суд Чувашской Республики оставил приговор без изменения.

Заявители в жалобе указывали на нарушение их права на свободу мысли и религии, права на свободу выражения мнения и права на свободу собраний, закреплённых в статьях

9, 10, 11 Конвенции. Правительство же отмечало, что заявители были осуждены за участие в экстремистской организации, запрещенной в России, основной целью которой стало унижение человеческого достоинства на почве религиозной принадлежности.

ЕСПЧ установил, что распространение идей Хизб ут-Тахрир (запрещенной в России организации) явно представляет собой деятельность, направленную на злоупотребление правами (статья 17 Конвенции), а потому заявители не могут жаловаться на нарушение прав по статьям 9, 10, 11 Конвенции (§ 23). Однако заявители также жаловались на нарушение статьи 6 Конвенции (право на справедливое судебное разбирательство). Они отмечали, что при возбуждении против них уголовного дела происходили различные нарушения (например, принципа равенства сторон, так как суд отклонил ходатайство о назначении альтернативной экспертизы со стороны защиты), заявители также жаловались на использование показаний анонимных свидетелей. Суд отметил, что в материалах дела нет доказательств того, что суд проверил, были ли опасения свидетелей за свою жизнь объективно обоснованными. Примечательно, что заявителей не обвиняли в каких-либо насильственных действиях и что никто из других свидетелей, дававших показания против них и чьи личности они знали, не опасался за его безопасность и не жаловался на угрозы или давление со стороны заявителей. Следовательно, ЕСПЧ пришел к выводу о том, что национальный суд не представил веских причин для своего решения предоставить анонимность свидетелям. Таким образом, Европейский Суд установил в настоящем деле нарушение права на справедливое судебное разбирательство, но отклонил доводы заявителей на нарушение их прав по статьям 9, 10, 11 Конвенции.

В деле *«Завьялова и другие против России»* (жалоба № 74814/14 и др., 8 сентября 2020 года) заявители приняли участие в политическом митинге в Москве. После митинга они были задержаны, им предъявили обвинения в совершении административного правонарушения. Ссылаясь на административный протокол, отчеты и объяснения сотрудников полиции, национальные суды признали заявителей виновными в нарушении установленной процедуры проведения публичного собрания в связи с их участием в несанкционированном митинге.

Заявители ссылались на нарушение их права на свободу собраний (статья 11 Конвенции). Некоторые заявители также указывали на нарушение их права на свободу и личную неприкосновенность (статья 5 Конвенции) и права на справедливое судебное разбирательство. Европейский Суд, учитывая сформировавшуюся позицию по аналогичным делам (в частности, в деле *Фрумкина, Навального и Яшина*) признал нарушение права на свободу собраний в отношении всех заявителей. Более того, ссылаясь на свою устоявшуюся практику, Суд установил нарушение статей 5 и 6 Конвенции в отношении отдельных заявителей.

Ключевые дела ЕСПЧ в отношении других государств: «колумбайн», домашнее насилие, пытки

В деле *«Котилайнен и другие против Финляндии»* (жалоба № 62439/12 и др., 17 сентября 2020 года) перед Европейским судом по правам человека встал вопрос о пределах обязанности национальных властей проявлять должную осмотрительность к владельцам огнестрельного оружия с подозрительным поведением. Заявителями по данному делу выступили родственники лиц, погибших в результате стрельбы в образовательном учреждении, которые посчитали что государство нарушило статью 2 Конвенции. Лицо, совершившее преступление, ранее запросило лицензию на

приобретение и ношение оружия в отделении полиции, а затем неоднократно обращалось за помощью к медицинским работникам в связи с приступами паники и агрессии.

В постановлении Европейский Суд указал, что на представителях органов власти (в том числе на правоохранительных органах) лежит обязанность защищать общество от преступлений не только после его совершения, но и в момент появления соответствующих рисков (§ 88). По мнению Суда, национальные власти несут ответственность как за соблюдение законодательства лицами, владеющими огнестрельным оружием, так и за возможные последствия такого владения (§ 89). Так, Суд пришёл к выводу, что изъятие оружия у преступника, несмотря на наличие лицензии, не повлекло бы за собой вмешательства в права и свободы гражданина, закреплённые в Конвенции, поскольку исходя из совокупности обстоятельств дела, у национальных органов власти имелись достаточные основания для такого изъятия. Помимо этого, финское законодательство допускало возможность изъятия оружия.

Тем не менее, Суд отметил, что предварительное решение об изъятии огнестрельного оружия не могло полностью пресечь совершение преступления (преступник мог выбрать иной способ), однако, Суд признал конфискацию разумной мерой обеспечения безопасности общества. Не менее важным уточнением Суда является то, что требования, вытекающие из статьи 2 Конвенции, также содержат в себе необходимость проводить комплексную оценку всех фактов, доступных органам власти в аналогичных ситуациях.

Дело *«Левчук против Украины»* (жалоба № 17496/19, 3 сентября 2020 года) связано с нарушением статей 6, 8 и 13 Конвенции в связи с отказом украинских судов в удовлетворении иска заявительницы о выселении её бывшего мужа. Заявительница мотивировала свое заявление тем, что ее супруг неоднократно совершал психологические и физические насильственные действия по отношению к ней, в том числе в присутствии несовершеннолетних детей. Заявительница обратилась в национальные органы для возбуждения уголовного дела в отношении супруга, однако, его не признали виновным в совершении домашнего насилия. После этого заявительница обратилась в суд с иском о выселении по статье 116 Жилищного кодекса Украины, в соответствии с которой возможно выселение лица за систематическое ненадлежащее поведение. Данное заявление также было отклонено.

Проанализировав все обстоятельства дела, Европейский Суд отметил, что в делах о домашнем насилии права лиц, совершающих насильственные действия, не могут превалировать над правами пострадавших от таких действий (в частности, над физической и психической неприкосновенностью) (§ 84). Суд пришел к выводу, что Украина нарушила обязательства защиты прав человека на уважение частной и семейной жизни (статья 8 Конвенции). Так, выселение супруга действительно могло предотвратить систематическое насилие в отношении заявительницы. По мнению Суда, национальные суды трёх инстанций не провели полномасштабный анализ ситуации и фактов, в том числе не оценили возможность возникновения повторного психологического и физического насилия в отношении заявительницы и ее детей, а само двухлетнее судебное разбирательство подвергало их риску продолжения насилия.

Стоит отметить, что практика Суда по вопросу домашнего насилия и дискриминации женщин является актуальной и для российской повестки. В 2019 году Европейский Суд впервые высказался по этому поводу в деле *«Володина против России»*. Так, Суд не только подтвердил нарушение государством обязательств по принятию защитных мер в

отношении жертв домашнего насилия и эффективного расследования посягательств (статья 3 Конвенции), но и признал текущее российское законодательство неэффективным, дискриминирующим женщин (статья 14 Конвенции).² Опираясь на позицию по делу *Володиной*, в июне 2020 года Суд вынес аналогичное решение по делу *Польшина против России*. Основная причина неэффективности защиты женщин и детей от домашнего насилия в России связана с отсутствием достаточной законодательной базы – закона о домашнем насилии. Несмотря на то что первая попытка адресовать данную проблему на законодательном уровне предпринималась ещё в 2016 году, в настоящее время закон о домашнем насилии так и не принят.³

В жалобе по делу «*R.R. и R.D. против Словакии*» (жалоба № 202649/18, 1 сентября 2020 года) заявители указывали на нарушения положений статей 3, 13 и 14 Конвенции в связи с пытками со стороны полиции. Заявители отмечали, что государство не провело полного и всестороннего расследования жестокого обращения и предполагали, что указанные нарушения связаны с их этнической принадлежностью.

Изучив обстоятельства дела, Европейский Суд установил, что несмотря на усилия, предпринятые следственными органами Словакии, расследование не было проведено должным образом, в связи с чем нарушены процессуальные гарантии статьи 3 Конвенции. Так, были обнаружены нарушения порядка проведения следственных действий в начале расследования, что повлекло за собой неполноту всего расследования в целом. Помимо этого, были обнаружены нарушения материальной части статьи 3 Конвенции. Суд указал, что применение физической силы во время ареста возможно только в случае, если такой арест отвечает требованиям законности, а применяемая сила является соразмерной и необходимой. В данном случае отсутствовали обстоятельства, свидетельствующие о пропорциональности и необходимости, в связи с чем жалоба заявителей была удовлетворена.

² Подробнее о деле и проблеме домашнего насилия см. <https://ano-astreya.ru/stop-domestic-violence>

³ Подробнее о подготовке версий законопроекта и текущей дискуссии см. <https://takiedela.ru/news/2020/11/25/zakon-o-domashnem-nasilii/>